

Он хотел извиниться, но горло было повреждено, и он не мог произнести ни слова.

Хэ Линнань купил миску каши, остудил её до тёплого состояния и начал понемногу кормить его густым слоем масла, образовавшимся на поверхности.

Он не мог говорить, но губами показал:

— Спасибо.

— Не за что, — погладил его по голове Хэ Линнань.

На самом деле это был первый раз, когда кто-то трогал его волосы, ведь по обычаям Вайгу нельзя трогать чужие волосы, даже детские.

Он проспал долго, а когда проснулся, Хэ Линнаня не было рядом. Из-за двери палаты доносился голос У Цзяхуа, разговаривающего с Хэ Линнанем.

Он некоторое время смотрел на пожелтевший потолок, а затем услышал, как У Цзяхуа говорит о «перезапуске съёмок документального фильма „Ясное небо“». Цинь Мянью сжал простыню: у него больше не было денег, даже на оплату больницы, он не мог вернуть долг.

Если не сможет вернуть, то придётся отработать съёмками документального фильма, как это было в самом начале, когда У Цзяхуа принёс столько еды, которую он и Цицигэ никогда раньше не видели, и пообещал принести ещё больше, только с условием, что за ними будут следовать несколько операторов, чтобы снимать их обычную жизнь. У Цзяхуа даже заверил, что это никак не мешает ему работать и зарабатывать деньги, ведь операторы будут держаться на расстоянии.

Тогда он считал это выгодной сделкой.

У Цзяхуа с энтузиазмом говорил о том, что хочет отправить этот фильм на конкурс, и Цинь Мянью, представляя, как зрители будут сочувствовать ему, чувствовал отвращение и ярость.

Он выпрыгнул из окна второго этажа, пытаясь убежать от камер У Цзяхуа.

Кто-то прыгнул вслед за ним и побежал за ним.

На самом деле он мог бы легко оторваться от Хэ Линнаня, даже если бежал не очень быстро, ведь переулки вокруг больницы были извилистыми, и те, кто не знал местности, легко терялись.

— Беги!

— Беги! Если сможешь убежать из этого трущобного района, не быть нелегалом, не работать на шахте, не голодать, не мёрзнуть... Если больше не хочешь меня видеть, беги!

Он услышал, как Хэ Линнань кричит ему вслед, и в этот подходящий момент остановился и развернулся.

Он хотел, чтобы Хэ Линнань заботился о нём, этот человек обещал ему это.

Эта мысль возникла внезапно, сердце забилось быстрее, и под наплывом тревоги он быстро пошёл к Хэ Линнаню, первым протянув руку.

Но пальцы коснулись ладони, которая вдруг рассыпалась, превратившись в песок.

Он тяжело дышал, в ушах раздавался чёткий звук «бип», частота которого всё увеличивалась. Он чувствовал, как будто тонет, грудь что-то резко сжало, и тело охватило сильное онемение.

— Повторно проверьте пульс!

— Разряд!

— Амидарон готов!

Кто это говорит?

Цинь Мянью изо всех сил пытался осмотреться, но переулки Вайгу, больница, прохожие — всё превратилось в песок...

— Хухэ Лу!

Хэ Линнань.

Он хотел ответить ему, но в этот момент не смог собраться с силами, чтобы произнести хоть слово.

Хэ Линнань медленно рассыпался на его глазах, превращаясь в песок. Всё вокруг стало чёрным. Он стоял на месте, смутно вспоминая, что Хэ Линнань не заботился о нём, Хэ Линнань бросил его.

— Для меня ты всего лишь маленький мальчик, как и тысячи других мальчиков. Ты мне не нужен, и я тебе не нужен. Для тебя я всего лишь лиса, как и тысячи других лисиц. Но если ты приручишь меня, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в мире, и я буду для тебя единственным в мире.

Почему он помнит эти слова?

Почему он помнит, как Хэ Линнань произносил их с таким чувством?

В темноте медленно появился свет, который скоро заполнил всё поле зрения.

В нос ударил аромат чая, характерный для Вайгу.

Ветер подул, и ярко-красные бутоны амалага качнулись, словно кивая.

Светловолосая туристка с голубыми глазами вышла из чайного ресторана, улыбнулась ему, а затем открыла картонную коробку и поставила её рядом.

— Гав!

Цинь Мянью только сейчас заметил, что слева от него сидит жёлтая собака. У неё были проплешины на шерсти, и в некоторых местах остались кровавые корки: видимо, она проиграла драку с другими собаками.

Только что испечённый торт пахнул горячим, с ароматом сливок. Его горло рефлекторно сглотнуло слюну.

Цинь Мянью оглянулся направо, но там, где он ожидал увидеть камеру, её не было.

Собака всё ещё нюхала торт, пытаясь понять, можно ли его есть.

Он посмотрел на туристку, которая уже села в автобус, и резко схватил коробку.

Бродячая собака завизжала, передние лапы нервно застучали по земле, а затем она подняла глаза и пристально посмотрела на него.

Через мгновение её веки опустились, брови сдвинулись, образуя «восьмёрку», что делало её круглые глаза особенно жалкими.

Цинь Мянью держал коробку с тортом. На таком расстоянии аромат был сильнее, чем раньше. Он понюхал торт, оторвал верхний слой белой бумаги, выбрал кусочек в форме кролика, аккуратно завернул его, а затем вернул коробку собаке.

Эта бродячая собака уже давно жила в туристической зоне и хорошо знала правила выживания: лучше голодать, чем получить побои. Поэтому она колебалась, украдкой поглядывая на выражение лица Цинь Мянью.

Торт был не для него, а для собаки, и он тоже был слабым существом. Слабые существа не должны обижать друг друга.

— Ешь, — погладил её по голове Цинь Мянью.

Собака, которую он погладил, даже не стала сразу есть торт, а широко открыла глаза, высунула язык и начала вилять хвостом, пытаясь выразить свою благодарность. Она подняла передние лапы, словно хотела положить их на него, но в конце концов опустила их обратно.

В этот момент Цинь Мянью почувствовал связь с этой собакой. Она так хотела, чтобы её любили, и он тоже хотел, чтобы его любил тот маленький фотограф, но боялся, что её грязные лапы испачкают одежду фотографа.

Собака, выразив благодарность, опустила морду в торт.

Из кустов за ней наблюдали несколько более крупных бродячих собак. Он сидел там, пока собака не доела торт.

Затем он встал и пошёл вниз с горы.

Он боялся, что маленький торт испортится, поэтому не стал класть его в карман, а нёс в руках.

Увидев свою юрту, он побежал, подбежал к двери, распахнул её.

Внутри никого не было.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/191023>